

Как только сам Дэн Цзяхуэй согласился принять помощь, дело пошло куда быстрее. Первым делом ребята обошли куратора курса, объяснили ситуацию, а затем собрали старосту и актив группы. Чжао Шэн, который и сам входил в студсовет, вызвался помочь с уговорами, так что общий язык нашли без труда.

Студенты в те годы вообще были народом отзывчивым. К тому же, когда все вокруг рвутся помочь, оставаться в стороне как-то неловко. Впрочем, никто никого не неволил и кособоких взглядов не бросал — каждый делился чем мог, сугубо добровольно.

Чтобы избавить ребят от неловкости, Гоудань предложил собирать деньги втемную: имена жертвователей не записывать, фиксировать только число участников и общую сумму. Так и те, у кого в карманах свистел ветер, не чувствовали себя ущемленными, да и самому Дэн Цзяхуэю потом было бы проще общаться с однокурсниками. Одной группой, конечно, не ограничились. Староста с активистами проявили завидное рвение, и вскоре к сбору подключились другие потоки. В учебных аудиториях зашуршали купюры — сдавали кто сколько мог, важна была сама поддержка.

Чтобы благотворительность не выглядела обязаловкой, нужно было правильно составить обращение к курсу. Тут требовалась искренность — без пафоса, давления и дешевой драмы. Каждое слово тщательно взвешивали. Решили, что сначала перед ребятами выступит куратор, коротко обрисует беду, а затем слово возьмет староста группы.

Почему не сам Гоудань с друзьями? Все просто: они жили с Цзяхуэем в одной комнате, и их личная инициатива могла показаться навязчивой. Раз уж дело приняло общественный оборот, стоило придерживаться официальных каналов и не отбирать хлеб у старосты. Когда сбор идет от лица группы, люди откликаются охотнее. В общем, Гоудань постарался продумать все до мелочей, чтобы не ранить ничью гордость.

В итоге в стороне не остался почти ни один поток с их курса. Разумеется, скидывались не поголовно, да и суммы разнились, но больше всего денег собрали, как и ожидали, в их родной группе. Оно и понятно: однокурсники знали парня лично, сопереживали ему, тогда как для чужих ребят его беда оставалась далекой и абстрактной. Многие из других групп раскошелились только из уважения к Гоуданю, который лично ходил договариваться.

Наконец деньги пересчитали, объявили итоговую сумму и при всех передали Дэн Цзяхуэю. Тот едва сдерживал слезы.

— Спасибо... Я никогда этого не забуду. Спасибо вам, — прерывистым от волнения голосом выдавил он и низко поклонился.

Ребята зашумели, замахали руками, наперебой убеждая его не глупить и поскорее везти деньги отцу — мол, здоровье близких важнее любых условностей. Что ни говори, а добрых людей на свете все же больше. Пусть кто-то поначалу и ворчал про себя, поддавшись общему порыву, но при виде растроганного до глубины души Цзяхуэя ни у кого не осталось камня за пазухой. Доброе дело, как бы к нему ни пришли, всегда приносит покой в душу.

В тот же день Дэн Цзяхуэй оформил в деканате отпуск по семейным обстоятельствам и первым же поездом помчался спасать отца.

С его отъездом в комнате воцарилась тишина. Ребята облегченно выдохнули: все, что было в их силах, они сделали. Оставалось только ждать новостей.

Прошло чуть больше недели. Когда дверь комнаты отворилась и на пороге показался Цзяхуэй, соседи так и застыли. Парень ужасно осунулся, зарос колючей щетиной, а под ввалившимися глазами залегли глубокие тени. Один его измученный вид без слов подтвердил самые худшие опасения.

— Цзяхуэй, вернулся наконец, — засуетились ребята. — Ну-ка быстро умываться. На улице холодища, в поезде, небось, совсем замерз. Сейчас сообразим чего-нибудь горячего, поешь — и сразу спать.

Никто не решился заговорить о главном. Парень выглядел настолько раздавленным, что любые вопросы казались кошунством, да и у самих парней кошки скребли на душе. Цзяхуэй даже не сопротивлялся. Словно деревянная кукла, он послушно побрел к умывальникам, куда его потащили за рукав, вяло пожевал предложенную еду и дал уложить себя в кровать.

Его покрасневшие от бессонных ночей глаза невыносимо резало — сперва от дикой усталости, а теперь от подступивших к горлу слез. Забота ребят, не покидавшая его с того самого дня, как разразилась беда, грела душу. Силы Дэн Цзяхуэя были на исходе. Стоило голове коснуться подушки, как он провалился в тяжелый, глухой сон и вскоре захрапел — организм требовал своего после дней непрерывного кошмара.

Соседи по комнате переглянулись. Стараясь не шуметь, они тихонько переговаривались шепотом. Стало окончательно ясно: чуда не произошло.

Проспал он почти сутки — с обеда до полудня следующего дня. Все это время в комнате кто-то дежурил, чтобы не оставлять его одного в минуту пробуждения.

Едва разлепив веки, Цзяхуэй глухо произнес:

— Отец умер.

В комнате повисла тяжелая тишина. Парень уставился в потолок и продолжил ровным, безжизненным голосом:

— Он давно кашлял. Сильно так, с натугой, но в больницу идти наотрез отказывался. Перебивался какими-то копеечными микстурами из сельской амбулатории. Когда я привез деньги и мы наконец поехали в окружную клинику, врачи только руками развели. Сказали, поздно. Рак легких, последняя стадия, готовьтесь, мол. Но я не поверил, настоял на

госпитализации, думал, повоюем еще... Только угасал он на глазах. Задышался, харкал кровью. На второй день взмолился: «Забери меня домой, сынок». Еле успели довезти до порога. Там он и испустил дух.

От этой будничной покорности судьбе у ребят мороз по коже прошел. Смерть близкого — страшный рубеж, перед которым человек бессилен. Слово «рак» в те годы звучало как приговор. Мало кто понимал, что это за зверь такой, но все знали твердо: если врачи произносят его вслух — пиши пропало. Никто и подумать не мог, что отца их товарища подкосит эта неизлечимая зараза.

— Я в порядке, правда. Спасибо вам, парни, — тихо добавил Цзяхуэй. — Главное, я успел. Застал его живым, закрыл ему глаза, похоронил как положено... От собранных денег осталась еще половина. Я грешным делом решил придержать их, совести у меня нет... Но знайте: если кому из вас понадобится помощь — я в лепешку расшибусь, сквозь огонь и воду ради вас пройду.

Ребята молча сжали его плечи. И только тогда Цзяхуэй наконец разрыдался. Все эти дни — от больничной суеты до погребального холма — он держался как заведенный автомат, не проронив ни слезинки. Удар был слишком сильным, горе парализовало разум. Едва схоронили отца, мать сразу же выставила его обратно на учебу, велела не пропускать лекции. И только здесь, среди своих, оцепенение спало.

Гоудань облегченно вздохнул. Раз дал волю слезам — значит, пойдет на поправку. Беда заметно перепахала парня, заставила повзрослеть в один миг. Жаль только, что за такое взросление приходится платить столь страшную цену.

Жизнь постепенно вошла в привычную колею, но атмосфера в комнате изменилась. Пережитое горе сплотило ребят крепче любого цемента. Период притирки остался позади, теперь они были по-настоящему родными людьми.

Незаметно подкрался конец второго курса. Сдав летнюю сессию, студенты паковали чемоданы. Столица изнывала от удушливого зноя, плавился асфальт, воздух дрожал как над костром.

В разгар сборов Цзяхуэй подошел к Гоуданю.

— Ли Кай, послушай... Ты как-то говорил, что вы с Ван Сюанем по выходным подрабатываете. Как думаешь, вашему хозяину люди на лето не нужны? Я домой не поеду, билет дорогой, да и обузой быть не хочется. Готов пахать за жилье и еду, лишь бы за эти два месяца за общежитие и столовую не платить.

Гоудань отложил сложенную рубашку.

— Решил на лето остаться подработать?

Цзяхуэй кивнул.

— Есть какие-то пожелания? — подумав, спросил Гоудань. — В какой сфере хотел бы себя попробовать?

Цзяхуэй так и вытаращил глаза:

— Издеваешься? Тут не до выбора. В городе и так с работой туго, а мне всего на два месяца надо. Кто захочет связываться с временщиком?

И то верно: даже посудомойщиком в забегаловку устроиться непросто. Только-только человек втянется в работу, а ему уже пора на учебу возвращаться. Хозяевам лишняя морока с поиском новой смены ни к чему. Вспомнив рассказы соседа, Цзяхуэй решил попытать счастья у него. Если не выгорит, пойдет стучаться во все двери — согласится хоть двор мести за тарелку супа. Лишней копейки у семьи не было. Отца не стало, кормилец ушел навсегда. На руках у матери остались младшие дети, а старшая сестра сама едва концы с концами сводила. Сейчас для Цзяхуэя сэкономить на себе — все равно что заработать.

— Давай так, — протянул Гоудань. — Место я тебе найду. Как насчет торговли? Сам понимаешь, на окладе временщику много не заплатят, а вот на процентах с продаж можно развернуться. Сколько потопаешь, столько и полопаешь.

Дела у Гоуданя шли в гору, толковые агенты требовались позарез. Какая разница, на сколько пришел человек, если он умеет сбывать товар? Продажи идут — фирма богатеет.

Гоудань привел сокурсника в контору. Услышав, как заправские торговцы почтительно величают вчерашнего соседа по комнате «директором», Цзяхуэй сперва решил, что ослышался, а потом и вовсе лишился дара речи.

— Ли Кай... Ты же вроде из деревни? Нет, я ничего такого не думаю, просто... как так-то?

— Так я и есть из деревни, все верно, — рассмеялся Гоудань, увлекая его в кабинет. — А «директор» — это так, для солидности. Дело у нас паевое, сообразили на нескольких человек. Скинулись помаленьку, начинали с сущих пустяков, сами товар разгружали. Это потом уже штат набрали. Сейчас партнеры разъехались: кто в провинции дела крутит, кто учебой занят, вот мне и приходится за всем приглядывать. Работники привыкли, что я тут за главного, вот и зовут боссом. На деле я просто управляющий на побегушках.

Конечно, Гоудань немного прибеднялся, но ему не хотелось смущать товарища и возводить между ними стену неравенства.

— А-а, вот оно что, — заметно расслабился Цзяхуэй. В его картину мира такая версия укладывалась куда лучше.

— Ну да. Обороты-то растут, только мы всю прибыль обратно в дело пускаем. Себе на жизнь копейки выкраиваем, дивидендов пока в глаза не видели.

Тут Гоудань не лукавил. Торговля шла бойко, но в последнее время на пятки стали наступать конкуренты. Стоило их лавке «Успешный старт» завоевать популярность, как хитрые дельцы принялись копировать все подряд: от схемы продаж до оформления упаковок. Конечно, преданные покупатели искали на коробках знакомый фирменный знак, да и качество подделок хромало, не идя ни в какое сравнение с оригиналом. К тому же благодаря связям Сяо Цяня в Южных регионах Гоудань держал закупочные цены на минимуме, что позволяло легко выигрывать ценовые войны.

И все же лавина фальшивок подъедала объемы сбыта. Чтобы удержать марку и не растерять клиентов, приходилось постоянно вкладываться в рекламу и развитие сети. Гоудань сгущал краски исключительно ради Цзяхуэя — на самом деле бизнес приносил отличный доход, но беречь чуткость друга было важнее.

— В общем, смотри, — Гоудань разложил на столе рекламные буклеты. — Самый простой вариант — отправить тебя за прилавок в магазин бытовой техники. Там процесс отлажен, работа непыльная. Но, честно говоря, розница топчется на месте. У людей в кошельках завелись лишние деньги, они готовы покупать, а мы не успеваем их окучивать — рук не хватает. Сейчас продавцы ленивые: сидят в лавках, ждут, пока покупатель сам придет, а потом устраивают за него драку. Глупо и непродуктивно.

— Если не побоишься трудностей, я выбью тебе особые условия: повышенный процент с каждой проданной штуки. Но сидеть на стуле не придется — надо будет самому идти к людям и предлагать товар.

Эту схему активных продаж Гоудань вынашивал давно, да все недосуг было заняться обучением персонала. В те годы концепция коммивояжерства еще диковинкой казалась, люди просто не умели предлагать услуги.

А ведь выгода очевидная: так можно рассказать об «Успешном старте» даже тем, кто и не думал заходить в магазины, и перехватить клиентов прямо на пороге. Гоудань сам когда-то пробовал ходить по дворам — выручка выходила не меньше, чем от стационарной точки. Да, поначалу «холодные» визиты кажутся пустой тратой сил, но на длинной дистанции они всегда окупаются сторицей.

— Думаешь, справлюсь? — загорелся Цзяхуэй.

Цифры обещали хорошую прибавку, а деньги ему были нужны позарез. Ради этого он готов был перешагнуть через собственную застенчивость, сломать старые привычки и научиться бойко болтать с незнакомцами.

— Договорились. Я набросаю тебе памятку с личными наработками, считаешь на досуге. И выдам служебный велосипед — пешком по столице много не набегает. Сегодня же заберешь

со склада и разомнешься. Учти только: жара на улице адская, придется попотеть. Точно уверен?

— Даже не сомневайся. Я работы не боюсь, с малых лет в поле спину гнул. Нашел чем пугать — солнцем!

— И то верно, — хохотнул Гоудань. — Посмотри на меня: чернее дегтя, зато закаленный. Настоящий мужик ни жары, ни трудностей не боится!

«...»

Цзяхуэй промолчал, лишь скептически прищурился. Он-то знал, что его друг от природы смуглый как уголек.

— Жить и питаться будешь при конторе, — продолжил Гоудань, выводя его в коридор. — Если решишь перебраться из общаги, я распоряжусь, чтобы тебе выделили койку. Там все как у нас на этаже: двухъярусные кровати, народу в комнате прилично, но условия — небо и земля по сравнению с университетскими. У нас в общаге теснота, а тут простор, душ горячий всегда есть.

— Вот, держи мою тетрадку, почитай на досуге, — Гоудань протянул исписанный блокнот и стопку листов. — А это бланки отчетности. Каждый вечер заполняй графы: веди учет потенциальных покупателей. Записывай, кто проявил живой интерес, кто сомневается, а на кого и время тратить не стоит — все равно не купят. Прикидывай их платежеспособность, интересы. В лоб такие вещи не спрашивают, учись подмечать детали по ходу разговора. Как освоишься, дам тебе другую форму ведения базы.

— Самое главное: все клиенты, которых ты приведешь, закрепляются за тобой навсегда. Проценты с их будущих покупок тоже твои. Вопросы есть?

У Цзяхуэя внутри все сжалось от страха. Он и в университете-то красноречием не блистал, держался особняком, а тут нужно подходить к совершенно чужим людям на улице и что-то им предлагать. У него язык к небу прилип при одной только мысли об этом.

— Да брось ты, — подбодрил его Гоудань. — Для начала просто зазубри приветствие. Главное — завязать разговор, а там по ходу сориентируешься. Пару раз попробуешь — дальше само пойдет. Отращивай броню на лице! Срастется сделка — отлично, денежка в кармане. Не выйдет — ну и шут с ним, вы этого человека больше никогда в жизни не увидите. Чего бояться?

— Мы же не обманываем никого, наоборот — облегчаем людям жизнь, товар прямо к порогу доставляем. Красота же! А за труды тебе звонкая монета причитается.

Гоудань, точно старый искушенный лис, так складно расписывал перспективы, что у наивного

новичка Цзяхуэя глаза загорелись, а в груди заклокотал азарт. Ему уже виделось, как он пачками пересчитывает заработанные купюры.

Окончательно заговорив зубы новоиспеченному торговому агенту, Гоудань сдал его с рук на руки Чжан Хэну для дальнейшего инструктажа, а сам с легким сердцем откланялся.

Подхватив сумку, он зашагал к дому мастера Циня. Там он застал Ван Сюаня и вкратце пересказал ему разговор:

— Представляешь, парень оказался до того наивным, что поверил каждому моему слову. Я теперь сам загорелся этой идеей. Если у него дело пойдет, осенью наберем целый штат таких же зеленых новичков и отправим прочесывать город.

Те, кто работал у них с самого начала, уже обросли связями, начали прилично зарабатывать и обленились. Перемены пугали их, карабкаться в гору дальше никто не хотел — всех устраивал нынешний сытый покой. Заставить их бегать по улицам в поисках заказов Гоудань не мог, да и не хотел портить отношения. Лучший выход — набрать свежую кровь. У новичков глаз горит, шаблонов в голове нет, а неизведанные территории манят. Они послушны, неизбалованы и готовы землю носом рыть ради первого заработка.

<http://bllate.org/book/19654/1996841>